

Виктор Маринчак
Жанрологический проект Марка Соколянского

В 2012 году популярное в исследовательских кругах немецкое издательство «Palmarium Academic Publishing» выпустило новую монографию М. Г. Соколянского «Проблемы жанрологии (очерки, статьи)» (*Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. — 268 p.*). Представленные в этой книге статьи и очерки, публиковавшиеся в различных изданиях на протяжении трех последних десятилетий, отражают широкий спектр научных интересов автора, перу которого принадлежат монографии о Г. Филдинге (1975), О. Уайльде (1990), В. Шекспире (2000), Н. В. Гоголе (2009), а также фундаментальное исследование проблем типологии западноевропейского романа эпохи Просвещения (1983).

Замысел ученого, объединившего ряд разнохарактерных по тематике и формату публикаций в одном издании, достаточно четко представлен в авторском предисловии и в определенной мере отражает сам характер современного литературоведческого мышления. В статье «О жанровом диапазоне литературоведческих исследований» М. Соколянский приводит мнение Р. Барта, который, говоря о глубинной общности науки и литературы, писал, что «и та и другая суть виды дискурса» (с. 217). К этому можно добавить, что гуманитарный, и в особенности филологический дискурс — это нечто, порою не вписывающееся в представления адептов наук точных и естественных. В дискурсе филологическом налицо не только логика, но часто и риторика, а порой и искусство. Строгость и доказательность соблюдается. В то же время тут есть место

образу и символу, тут особенно важна интонация. И главное — личность исследователя, ее постоянное осязаемое присутствие. С. С. Аверинцев говорил когда-то о филологии, что она являет собою как бы «инобытие» науки, «инонауку».

Но это и есть та среда, в которой естественно и уверенно себя чувствует М. Г. Соколянский. Он именно так и пишет, его голос слышен, его интонация убеждает, его личностное бытие явлено в его текстах. Не случайно он так интересуется «филологической прозой» (см. с. 155 и далее) и так внимательно вчитывается в, очевидно же, очень близкий ему по духу и по манере «Мой современник» Б. Эйхенбаума, колеблющееся единство которого включает дневник, мемуары, литературное эссе, критические наброски, научные разыскания, саморефлексию исследователя, филологическую прозу и поэзию и пр. и пр. Тут-то и «возникает вопрос о путях и способах интеграции» разных жанров в одном тексте, в одном дискурсе (см. с. 146 и след.). Рассматриваемый «жанровый симбиоз» столь привлекателен и получает столь сочувственное представление, что невольно задумываешься: не таким ли — интегрирующим, многоаспектным, строгим и поэтичным одновременно — будет (или должно быть?) литературоведение XXI века?

Как сборник статей становится книгой? Очевидно, примерно так, как жизненный материал превращается в новеллу (вспомним Л. С. Выготского с его «Психологией искусства», где речь идет о «преодолении материала формой»), или как происходит циклизация все тех же новелл, как их переплетение становится романом. Все дело в композиции, в построении определенных последовательностей, каждая из которых имеет свой смысл.

Книга М. Г. Соколянского состоит из трех разделов. Последний из них объединяет этюды о трудах по теории и истории жанра ряда известных ученых (М. М. Бахтина, Е. М. Мелетинского, Н. Л. Лейдермана). На самом деле здесь дана сумма того, что было сделано в жанрологии XX в. С точки зрения логики научного дискурса это по сути изложение исходных по-

зиций, но расположенное в самом конце композиционного единства. Попробуем понять, в чем неявный смысл такого расположения.

Предшествующий третьему раздел так же компактен. В нем представлены статьи теоретические, итоговые и по сути пионерские. Показательно уже само название главной из них («Система жанров как литературоведческая категория»), которое зовет если не к полемике, то во всяком случае к серьезным размышлениям. Работа и формально (как первая, заглавная работа центрального раздела), и по смыслу находится в центре композиции книги. Но этот центр несколько смещен в сторону финала, что и языком композиции тоже по-своему говорит об итоговом смысле данной статьи. Это одна из вершин и композиции, и жанрологической мысли, откуда видно далеко во все концы и книги, да и жанрологии в целом.

Рядом другая вершина — уже упоминавшаяся статья о жанрах литературоведческих исследований, где, собственно и присутствует, пусть неявное, утверждение о единстве литературы и науки о литературе, а это предполагает целый ряд следствий, существенно важных для автора. И вслед за ней еще одна статья, вроде бы о частном, но, очевидно, принципиально важном для автора — «Пафос утопии и принципы строения драмы». В ней как бы получаем иллюстрацию того, что же дает нам представление о системе жанров как литературоведческой категории и в то же время что дает выдвинутое только что (в композиции книги, т.е. в предыдущей работе) требование к литературоведу относительно, скажем, авторской установки, и эстетической, и не только...

Самым объемным оказывается первый раздел, максимально разнообразный в плане и литературного материала, и анализируемой проблематики. В нем явлен путь к обобщениям и открытиям, которые становятся возможными благодаря тому подходу, которым руководствуется ученый. Думается, именно характер этого подхода многое может объяснить в содержании и построении книги.

Нужно сказать, что в книге М. Г. Соколянского представлена скорее не теория, а практика жанрологии. Автор сам отмечает наличие «очевидной недостаточности разработки теории жанра в литературоведении» (с. 249). Вместе с тем он как филолог широкого диапазона хорошо сознает «необходимость органичного сочетания теоретико-литературного и историко-литературного подходов в описании и анализе всего многообразия жанровых форм» (с. 3). Подготавливая такое «сопряжение» дедуктивно-теоретического и историко-индуктивного подходов, автор исследует конкретный материал функционирования жанров в разные эпохи, накапливая наблюдения и идеи, необходимые для дальнейших обобщений. В этом смысл весомости, поливекторности, панорамности первого раздела.

Еще в 80-е г.г. М. Г. Соколянский очертил круг тем, особенно близких ему (верность им он сохраняет донныне): это проза, в первую очередь роман и смежные жанры, а также драматургия. Материалом его исследования выступают такие произведения, как «Мертвые души» Гоголя, «Современная идиллия» Салтыкова-Щедрина, исторический роман В. Жаботинского, «Конармия» Бабеля, дилогия И. Ильфа и Е. Петрова, роман «Джонатан Уайльд» Г.Филдинга и философский роман эпохи Просвещения, а также пьесы Шекспира, драматический памфлет, «Горе от ума» А. С. Грибоедова на фоне европейской высокой комедии. Конкретность материала обуславливает конкретность проблематики. Вместе с тем автор всякий раз расширяет горизонт исследования, вводит широкий компаративный материал. Возрастает и объективная необходимость, и субъективная потребность в теоретическом осмыслении накопленных данных.

Теоретические предпосылки исследовательской работы М. Г. Соколянского излагаются в первую очередь в работах о типологии романа в научном наследии М. М. Бахтина (с. 231—239), о судьбах эпоса и романа в интерпретации Е. М. Мелетинского (с. 240—248), о книге Н. Л. Лейдермана

«Теория жанра. Исследования и разборы» (с. 249—257), в работе о системе жанров (с. 182—197).

Привлекая в этих и других статьях данные и идеи из работ С. С. Аверинцева, А. Аникста, Г. А. Гуковского, В. М. Жирмунского, М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, А. Д. Михайлова, Л. Е. Пинского, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, О. М. Фрейденберг, Б. М. Эйхенбаума, Стефании Скварчиньской, Нортропа Фрая, Андраса Горна, Рене Уэллека, Эластера Фаулера, Лоренса Денсона, Клауса Мюллера-Диеза, автор рецензируемой книги очерчивает и осмысляет базовые теоретические положения жанрологии. Речь здесь идет о таких «носителях жанра», как «субъектная организация художественного мира, пространственно-временная организация, пневмосфера, ассоциативный фон и интонационно-речевая организация» (с. 250). Приводится характеристика таких основных признаков романа, как «чисто художественный вымысел», «интерес к судьбе отдельной личности», «ориентированность на изображение частной жизни», «внимание к внутренним, душевным коллизиям» (с. 243). Обсуждаются такие критерии типологической классификации романских форм, как хронотоп (с. 233), «построение образа главного героя» (с. 235), «отношение автора к герою» (с. 236). При этом рассматривается жанр как система, жанр в его развитии, и далее — система жанров в их соотносительности, взаимодействии, эволюции.

На этой достаточно широкой теоретической основе объединяется в целое «собрание пестрых глав», осуществляется «циклизация» жанрологических «новелл». Что цементирует их? Еще раз: то же, что и новеллы в цикле. Это единство текстового мира, который выстраивается в книге и является проекцией мира литературы, литературных процессов. Это единство субъекта — автора, ученого-исследователя, личности, являющейся носителем определенного этоса. Мир в особенности проявляет свое единство, упорядоченность, иерархичность, будучи субъектно организованным личностью, сохраняющей единство в конституировании дискурса, в само-

конституировании, в творческом поведении и т. п., что обеспечивается единством расширяющегося интенционального горизонта, личностного ассоциативного фона, пневмосферы, единством вполне определенного аксиологического фона.

Если у различных филологических «новелл» главный «герой», выполняющий объединительную функцию, — это жанр, то надо подумать о специфике построения «образа» данного «героя» и соответствующего концепта, об отношении к нему автора.

Выстраивая образ и концепт жанра, М. Г. Соколянский искал ответы на вызовы своего времени. Видимо, именно поэтому на первый план (хоть и без специальных деклараций на этот счет) выдвигается проблематика конфликтов, противоречий, антиномий. Главной она становится уже в работе о ренессансной драматургии, открывающей книгу. Тут дело «в углублении и укрупнении масштаба представленных антагонизмов. При том это и антагонизмы общественного порядка, и не менее значительные острейшие противоречия в умах и душах героев» (с. 14). Автора в английской драме данной эпохи интересует «сдвиг центра конфликтности в сторону внутреннего мира героев» (с. 14).

Рассматривая далее философский роман эпохи Просвещения, автор обнаруживает в нем «обязательный философский конфликт», «столкновение», «оспаривание или даже опровержение» (с. 51). Подобные наблюдения мы находим и в других статьях. Антиномичность бытия, наличие конфликтности внутренней, «тотальная нехватка структурности» (см. с. 145), выявляемые ученым в анализируемых текстах, суть вызовы, которые требуют ответа — через отрицание, осмеяние, пародирование, через формирование альтернативных представлений, через поиск абсолютных аксиологических констант, через осуществление ценностно значимых утверждений, действий, поведения и т. д. Подобное представлено в разных жанрах — каждый раз по-особому. Таким образом, существенными жанрообразующими характеристиками становятся и то, на какие конфликты

и антиномии направлена интенциональность автора и героя, и то, какое представление в художественном синтезе получают противоречия и катастрофы, и то, как формируются, какими являются ответы автора и героя на эти вызовы.

В качестве образцового филологического дискурса у М. Г. Соколянского предстает «Мой временник» Б. Эйхенбаума, что происходит среди прочего и потому, что в нем мы находим «постоянное нащупывание в истории литературы моральных и эстетических противостояний» (с. 151). Автор связывает это с «антиномичностью, обеспечивающей определенный драматизм, присутствие внутреннего конфликта — пружины действия, напряженность повествования» (с. 148—149). В итоге «конфликт как системообразующее начало... произведений самых разных жанров» (с. 221) становится в книге М. Г. Соколянского ключевым концептом.

Следует обратить внимание: в книге М. Г. Соколянского есть пласт серьезных теоретических идей, которые подспудно присутствуют так или иначе в каждой работе, оставаясь практически нигде специально не эксплицированными. Представляется необходимым осмыслить эти положения, поскольку их целостное единство, впервые явившееся и самому автору в собранной им книге, составляет теоретический фундамент жанрологии. Соответствующая жанрологическая «идеология», что очевидно, укоренена в работах классиков поэтики, но системная целостность возникает в данном композиционном единстве. Поэтому так важно обсудить эти импликации (выводимые из текста книги идеи), хотя бы частично. Речь идет о следующем.

Через жанр осуществляется эстетическая проекция этоса автора и героя, их ценностный синтез, их нравственный и художественный ответ на вызовы катастрофического бытия. Исследование жанра уже поэтому является глубоко осмысленным и аксиологически значимым. Но для специалиста по теоретической и исторической поэтике в особенности важно, что исследуется именно проекция и проекция именно художе-

ственная. Существенно также то, что характер и специфика такой проекции непременно связаны с жанром литературного произведения.

Жанр задает определенную эстетическую программу, и, может быть, самое главное здесь — смысловой потенциал, не только определяющий ожидания читателя, но и открывающий возможные творческие перспективы для автора, который может ими не просто воспользоваться, но может и осуществить некие «сдвиги» по отношению к канону и норме жанра ради изменения и развития жанровых возможностей, ради развертывания и расширения смысловых перспектив и горизонтов.

Раскрывая смысловые возможности жанра, в его модификациях, в его развитии, М. Г. Соколянский возвращает мысль читателя его книги к проблеме смысла, к смысловому потенциалу формы, смысловой наполненности жанра, снова и снова — к смыслу, к осмыслению, к осмысленности. И это уже этос ученого, который становится участником не только научных дискуссий, но и литературного процесса. Именно в связи с реализацией такого этоса могут иметь место случаи, когда «нарастающей агрессии» эстетической деструктивности (см. с. 255) противостоит не только мастер поэзии, но и специалист по поэтике.

Главным в позиции исследователя представляется возвращение к смыслу литературного произведения, относительно же жанра — к его смысловому потенциалу, смысловым перспективам и горизонтам. Осознав это, начинаешь понимать, почему исходные предпосылки жанрологии излагаются в последнем разделе книги. Дело в том, что в трудах М. М. Бахтина, Е. М. Мелетинского, Н. Л. Лейдермана реализуется именно такой подход, системный, функциональный, предполагающий внимание к смыслообразующей функции жанра. К этим трудам стоит не просто вернуться, эти идеи стоит поместить в позиции финала, который становится открытым, поскольку отсюда открывается начало новых исследователь-

ских путей. Нужно дальше вчитываться — в работы того же М. М. Бахтина, где литературный процесс представлен как большой диалог, где с особой глубиной на материале полифонического романа исследуется катастрофизм в литературе. Именно этот ученый оставил в наследство специалистам по жанрологии мысль, все еще требующую серьезного осмысления: «Ведущими героями» литературного процесса «являются прежде всего жанры» (Вопросы литературы и эстетики, М., 1975, с. 451).

К сказанному надо добавить следующее. В книге М. Г. Соколянского едва ли не самыми цитируемыми из всех специалистов по теоретической и исторической поэтике оказываются Ю. Н. Тынянов и Б. М. Эйхенбаум. В этом есть своя логика. Суть в том, что сформулированные ими в двадцатые годы прошлого века идеи повторно высказывались в работах западных жанрологов и теоретиков литературы 60—70-х годов и в последующее время. Конвергенция эта не случайна. И дело не только и не столько в том, что представители так называемой формальной школы были предтечами структурализма. Структурализм, да и формализм в литературоведении, — это явления, относительно которых реализуется такая закономерность: серьезные представители и того, и другого рано или поздно становятся «преодолевшими формализм (или структурализм)», что и произошло с Тыняновым, Эйхенбаумом и В. Б. Шкловским, работы которого незаслуженно выпали из научного оборота.

Существенно важно то, что опоязовцами были заложены основы функционального подхода к проблемам жанра, литературного произведения, литературного процесса. Кстати, «функция» — один из излюбленных терминов Ю. Н. Тынянова. Вспомним также, что один из основополагающих концептов формальной школы, введенный в науку тем же В. Б. Шкловским, — «остранение» описывает явление, имеющее функциональную природу, связанное с проблемой точки зрения и несущее серьезную смысловую нагрузку. Потому-то

этот концепт и пережил не только формализм, но и структурализм и активно работает до сих пор, в рецензируемой книге М. Г. Соколянского в том числе.

Но, пожалуй, самое главное в том, что Ю. Н. Тынянов и Б. М. Эйхенбаум представляли литературный процесс в аспекте исторической поэтики как историю литературных форм, стилей, направлений, эстетических программ и их реализаций, стремясь изучать то, что является специфичным для художественной литературы. Проблема жанра при этом оказывалась в центре внимания, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, тем, что литературным фактом становится лишь такое произведение, которое приобретает статус жанра художественной словесности. Во-вторых, тем, что литературное новаторство нередко приводит к деформации привычных жанров. Кроме того, в историко-литературном процессе каждый жанр вступает в системные отношения с другими жанрами, при этом могут эволюционировать и сам жанр, и система жанров в целом. И, наконец, актуальность жанрологической проблематики обусловлена тем, что изучение поэтики литературного произведения невозможно без его жанровой идентификации.

В теоретических и исторических трудах Ю. Н. Тынянова литературный процесс предстает как явление глубоко конфликтное, это не просто диалог между текстами, авторами, направлениями, жанрами, это постоянная борьба, столкновения. Близкие по духу идеи содержит и книга Б. М. Эйхенбаума «Мой современник». Обобщая научный и литературный опыт этого ученого. М. Г. Соколянский подчеркивает, что речь в ней идет о «поединках и противопоставлениях», «которые могут проявляться в событиях общественной жизни, в литературно-журнальной полемике, в истории литературы, в литературоведческой науке, в спорах конкретных творческих групп или принципиальных несогласиях отдельных литераторов друг с другом» (с. 154). Современность, актуальность, пер-

спективность подобных литературоведческих идей и исследовательских программ очевидна.

На страницах своей книги М. Г. Соколянский указывает, что и Ю. Н. Тынянов, и Б. М. Эйхенбаум были активными участниками литературного процесса не только потому, что сами работали в художественных жанрах или выступали как литературные критики, но и потому, что их теоретические размышления и исторические изыскания были стимулированы современным им литературным процессом, обусловлены их активным отношением к протекавшей на их глазах литературной эволюции. Отсюда важность их работ для литературоведов, их современников, которые к литературному труду относились профессионально. Отсюда же и интерес этих ученых к профессионализму литератора.

На самом деле теоретическая и историческая поэтика всегда должны быть обращенными к профессиональным литераторам, которые сознательно входят в литературный процесс, понимают его движущие силы, ставят перед собой художественные задачи. Профессиональный литератор должен понимать, в чем состоит художественность произведения искусства слова, чем отличается сократовский диалог от драмы, как из писем рождается роман в письмах, а из бессвязной речи — литература потока сознания. Не всякое «письмо» становится литературой. Но проблема литературности не может быть решена ни автором, ни читателем, ни критиком, если игнорируется проблема жанра. Этому учат классики поэтики, на которых опирается М. Г. Соколянский. Соответствующие взгляды и идеи явно или неявно представлены в его работах.

Движение литературоведческой науки обусловлено движением литературы. Поэтому последняя точка в теории жанра вряд ли когда-нибудь будет поставлена. Отвечая на запросы современной литературы, теоретическая поэтика на каждом новом этапе будет совершать новые открытия. Синтез теории и истории здесь неизбежен и закономерен. И в особенности актуален в наше время проект истории литературы как исто-

рической поэтики. С этим-то и связан сдвиг научных интересов М. Г. Соколянского в сторону жанрологии. Потому и значима его глубокая содержательная книга, в которой представлены интереснейшие материалы по теории и исторической поэтике жанра.

Марк Соколянский. Проблемы жанрологии (очерки, статьи). — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. — 2012. — 260 p.

ISBN: 978-3-8473-9014-5. Язык русский. Цена € 79.

Книга может быть заказана по Интернету он-лайн: www.get-morebooks.com или www.more-books.ru

Книга посвящена актуальным проблемам теории и истории художественно-литературных жанров и состоит из трёх разделов. Первый из них включает исследования специфики отдельных жанров и жанрового своеобразия целого ряда произведений западноевропейской и русской классической литературы. Во втором разделе рассматриваются некоторые существенные вопросы теории жанров. Третий, историографический раздел содержит очерки о вкладе в жанрологию трёх видных российских литературоведов, представляющих разные этапы в изучении этой области науки о литературе.

Составляющие книгу части объединены стремлением автора сочетать в своём исследовании теоретико-дедуктивный и историко-литературный подходы.

Предназначена для специалистов-литературоведов, студентов-филологов и всех, кто питает глубокий интерес к истории художественной литературы.